

Такой же позиции придерживался автор прокламации «Молодая Россия», народник-революционер П.Г. Заичневский. Он требовал предоставления всем областям возможности решать, желают ли они войти в состав федеративной республики русской. Н.А. Момбели предлагал Конституцию для каждой национальности под общим руководством Российской, Историк-демократ А.П. Шапов будущее России видел в добровольной, самим народом созданной союзности, федерации областных общин, основанной на договоре, на любви и единении.

Стремясь к улучшению жизни народов, представители демократического движения в России XIX в. расходились не во многом, главное их разногласие в том, что одни придавали большее значение «договору» и «соединению», а другие стремились к полной «свободе» и «равенству» всех национальностей. Объединяло же их, бесспорно, отрицание централизации, захватничества и русификации. Анализируя всё выше описанное важно отметить, что все они исходили из признания самобытности и необходимости самостоятельного развития «национальных окраин» Российской Империи; приоритет отдавался автономизации отдельных регионов (Украины, Сибири), причём многими признавалась возможность их сохранения в составе России [7, с. 69]; кроме того, в своих концепциях представители общественной мысли во многом опирались на исторические разработки, призванные обосновать их притязания существующими традициями, начиная со времен Древней Руси. Однако, что зачастую признавали и сами мыслители, практическая реализация рассмотренных проектов в условиях окружающей их действительности была невозможной, и получила обоснованный шанс на существование лишь после крушения империи.

Список литературы: 1. Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. Глазами иностранцев. – СПб.: Лениздат. 1991. 2. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: в 3 т. – М., 1951. Т. 1. 3. Глинский Б.Б. Борьба за конституцию (1612–1861 гг.). – СПб., 1908. 4. Семевский В.И. Николай Иванович Костомаров // Русская старина. – 1886. № 1. 5. Глинский Б.Б. Борьба за конституцию (1612–1861 гг.). – СПб., 1908. 6. Бакунин М.А. Избранные философские сочинения и письма. – М., 1987. 7. Бахлов И.В. Российский федерализм: теоретические основы, специфика становления и политико-правовой организации. – Саранск, 2008.

*Лобанов К.Н.
г. Белгород, Россия*

ЮГ РОССИИ И ЕГО ПОЛИТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Южный регион российской державы традиционно рассматривался обществом и государственной властью не столько в экономико-географических категориях, сколько в формате использования исключительного военно-стратегического положения этой территории для обеспечения национальной безопасности страны. Все то, что находилось к югу от Тулы и Рязани – «Дикое поле», границы которого с течением времени все более и более отдалялись в юго-восточном направлении от Москвы, всегда считалось «зоной жизненно важных интересов» или, как сегодня бы сказали специалисты в области глобалистики, национальных интересов растущей российской государственности. Извеч-

ное противостояние земледельческих, оседлых этносов с номадами – представителями степных цивилизаций – объективно способствовало формированию специфических регионально-территориальных особенностей южных окраин Московской Руси, а затем и Российской империи. Эта специфика первоначально находила свое выражение в милитаризации региона, коему судьбой было предназначено многие века служить оборонительным щитом для Центрального (Московского) массива – сердцевины экономико-хозяйственного, социально-демографического и духовно-культурного комплекса страны. Военно-оборонительным целям государства была подчинена вся экономика региона и его транспортная, коммуникационная и иная инфраструктура, носившие, как правило, мобилизационный характер. Социальный состав южан формировался исключительно за счет представителей военно-служилых сословий-пассионариев, отличавшихся, по словам Л. Гумилева, особенно ярко выраженными способностями к активизации их биоэнергетических потенциалов. Психология «креса», «украины», «порубежья» прочно вошла в менталитет жителей юга России – безосновательно от того, идет ли речь о кубанских или терских казаках или обитателях срубов-крепостей Белгородской засечной черты.

Долгие годы милитаризованное население Юга находилось на переднем крае политики российского государства, направленной на сдерживание хищнического и паразитического восточного экспансионизма, постоянно угрожавшего независимости и территориальной целостности нашей страны. Стоит отметить, что свою оборонительную функцию южный регион выполнял довольно успешно. За исключением периода «Смутного времени» и всплесков массовых народных волнений, когда политическая и военная дестабилизация охватывала всю систему российского государства, защитники засечных черт стойко и профессионально отражали волны кочевников и иных иноземных захватчиков. Авангардная роль южного региона не претерпела больших изменений и тогда, когда вектор восточной политики Российской империи – всегда главной и определяющей – стал иным. От стратегии сдерживания на юге имперская власть в XVIII–XIX веках переходит к политике освоения обширных и богатых территорий Северного Причерноморья и Северного Кавказа и вытеснения оттуда своих извечных противников. Жители Слободской Украины, включавшей тогда современную Белгородчину, и здесь выступали в роли пионеров-разведчиков, а затем и первых поселенцев-колонистов, на плечи которых легла основная тяжесть задачи адаптировать местные земли и их обитателей к условиям жизни в новых политических и социально-культурных реалиях. Конечно, русских южан вряд ли можно сравнивать с европейскими колонизаторами, огнем и мечом расширявшими пространство западной цивилизации. Вместе с тем, внедряясь все глубже и глубже в чуждый ареал обитания тюркоязычных этносов, выходцы засечных черт вынуждены были первое время выполнять контрольно-надзорные функции военизированных представителей Империи в среде, до недавнего времени враждебной славянско-православным основам российской государственности. Впоследствии же колонисты постепенно слились с местным населением, образуя неповторимые этнические конфигурации такие, как слобожане, донское казачество, кубанцы и т.д.

По мере того, как бывшее «Дикое поле» все более и более интегрировалось в систему хозяйственных, политических, социо-культурных связей государства, а внешние границы страны оказались надежно прикрыты естественными (горными и морскими) преградами, Юг России стал освобождаться от имиджа военизированного форпоста державы. Элементы милитаризации экономики, жизненного уклада и психологии жителей Слободжанщины постепенно уходили на второй план. Торгово-хозяйственная составляющая превратилась в доминанту развития богатого на природные залежи и земельные ресурсы края. В годы поздней Империи и в советское время южный регион становится жит-

ницей страны и одним из наиболее развитых центров добывающей и обрабатывающей индустрии.

Внушительные экономико-хозяйственные возможности Юга, вместе с тем, не умаляли политического значения этого региона. В эпоху распада СССР и становления новой демократической государственности южные и юго-восточные субъекты Российской Федерации вновь обрели статус приграничных территорий. Причем к некоторым из них вернулась историческая роль заслона на пути проникновения в Россию различного рода угроз и рисков. Вот уже более десятилетия северокавказский регион находится на переднем крае борьбы с политическим и религиозным экстремизмом, служит препятствием для экспорта организованной преступности, неконтролируемых демографических выбросов на территорию страны. В этих условиях сама жизнь, а часто и выживание, диктуют местным жителям необходимость возрождения славных боевых традиций их предков – казаков и солдат Черноморской и Кубанской линий.

Белгородский край, хотя территориально и далек от «горячих точек» Предкавказья, однако положение приграничной области РФ дает о себе знать почти ежедневно. Поскольку область расположилась на стратегически важных транзитных коммуникациях евроазиатского экономического и политического пространства, то вполне понятно, что этими выгодами наряду с законопослушными гражданами активно пользуются преступные элементы для различного рода противоправных действий. Для преступников и экстремистов Белгородская область и граничащие с ней другие южные регионы России по-прежнему являются «засечной чертой» – передним краем, перейти который если не невозможно, то, по крайней мере, весьма затруднительно.

Однако не только проблемы противодействия приграничному криминалу определяют сегодняшние политико-стратегические возможности нашей малой родины. Белгородчина находится на стыке границ трех славянских республик бывшего Советского Союза, а ныне – независимых государств – Беларуси, России и Украины. Именно этот фактор способствует превращению Белгородской области, равно как и других субъектов Юга России, в ведущие инструменты реализации новой интеграционной политики страны на постсоветском пространстве СНГ. Смысл этой обновленной концепции сводится к признанию нынешним российским политическим руководством многоуровневости и многообразия форм интеграции как главных принципов взаимодействия с другими государствами-членами Содружества. В результате происходит децентрализация процесса интеграционного строительства, а в качестве его основных субъектов выступают не только государства, но и регионы, местности и муниципальные образования, обладающие своими специфическими интересами в этой сфере. Однако главное здесь не арифметический рост числа участников. Так называемая «малая интеграция» на уровне регионов является наиболее эффективным и открытым способом укрепления связей между народами и их государствами. Людям становится понятна интеграционная политика государства тогда, когда они наблюдают ее сквозь призму приграничного сотрудничества и оценивают в категориях реального улучшения качества жизни и роста благосостояния своих регионов.

В былые времена и сегодня белгородская земля успешно осуществляет тесное сотрудничество с сопредельными областями Украины и не столь далекой от нас Беларусью. Взаимодействие происходит по многим азимутам: экономическое развитие и инвестиционная деятельность, таможенно-тарифная политика и пересечение границ, экология и культурные связи. Главной целью всех этих мероприятий является либерализация контактов граждан, хозяйствующих субъектов, органов государственной и муниципальной властей посредством снятия множества пограничных, административных,

таможенно-тарифных, санитарных, технических и иных ограничений на границах. В результате консолидированных действий местные власти Белгородской области России и Харьковской области Украины добились максимально упрощенного в нынешних условиях режима циркуляции людей, товаров, услуг и денежных средств в приграничной зоне. Это очень важный результат, поскольку мировая практика региональной интеграции свидетельствует о том, что следующим шагом в данном направлении может стать создание зоны свободной торговли и даже экономического союза двух областей, проект которого под названием «Слобожанщина» уже усиленно прорабатывается на разных уровнях властной вертикали. При наличии устойчивой политической воли руководителей двух сопредельных областей и развития соответствующего государственного и местного законодательства, идея региональных союзов может уже в скором времени обрести реальные очертания и приносить ощутимую экономическую и политическую пользу. В долгосрочной же перспективе такие «точечные» очаги регионального сотрудничества (планируется, например, создание еще одного регионального объединения в составе Брянской области России, Черниговской области Украины и Гомельской области Беларуси под рабочим названием «Днепр») должны слиться в единую зону экономического роста, социально-политической стабильности, правовой защищенности всех субъектов деятельности. Это пространство плавной дугой опоясывает южные пределы нашего государства, превращая таким образом эти извечно проблемные территории в своеобразную модель содружества братских народов и государств, генератор интеграционного развития в рамках «большого» СНГ. Резюмируя сказанное, осталось отметить, что наша малая Родина – Белгородчина – обладает исключительными политико-стратегическими возможностями в этой сфере и является одним из лидирующих регионов Юга России. Постепенно освобождаясь от традиционного для порубежья имиджа милитаризованной зоны, область активизирует свои созидательные и творческие силы на благо укрепления российской государственности и консолидации славянства.

*Мотовникова Е.Н.
г. Белгород, Россия*

СЛАВЯНСКИЙ ВОПРОС В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.Н. СТРАХОВА

В русском публицистическом процессе XIX века славянский вопрос является сквозным и трудным для всех его участников. Никак не мог его обойти и Н.Н. Страхов, один из крупнейших русских публицистов, вступивший на поприще литературно-художественной критики на рубеже 50-60-х гг., в то время, когда публицистическая мысль была проникнута разного рода социально-философскими настроениями и интенсивно развивалась именно философски. Н.Н. Страхов предпочитал усматривать общие смыслы славянского вопроса в понятиях органической диалектики, склонность к которой он особенно выказывал в общении с философски близким ему А.А. Григорьевым¹. При-

¹ Еще в 1858 г. Ап. Григорьев настаивал на истинности шеллингианского тезиса: «Развиваются – если можно уже употребить теперь это слово – народные организмы, нося в себе следы более или менее отдаленной принадлежности к первоначальному единству рода человеческого, единству не отвлеченному, моменту необходимо существовавшему. Каждый таковой организм, так или иначе сложившийся, так или иначе видоизменивший первоначальное предание в своих преданиях и верованиях, вносит свой органи-